

ЛИТЕРАТУРА. ЗАЧЕМ?

GALINA BINOVÁ (BRNO)

Поставить этот кажущийся наивно-риторическим вопрос заставил меня недавний разговор с английским студентом, который неожиданно заявил: *„Я литературу не люблю. И не читаю. Зачем?“* Действительно, зачем? Думаю, каждый из нас задумывался над этим вопросом: имеет ли смысл то, чему мы посвятили жизнь. В данном случае имеет ли само существование литературы цель? В практическом смысле доказать полезность литературы затруднительно: сами писатели и поэты не раз пытались ответить на вопрос: зачем, собственно, нам нужна литература? Эзра Паунд, например, рассуждает в утопическом ключе: *„функция литературы заключается в следующем: она, несмотря ни на что, стимулирует в человечестве желание жить.“* Но как же быть в этом случае с гетевским Вертером? Ведь есть книги, зовущие читателя не к жизни, а к смерти. Можно назвать много авторов-негативистов, произведения которых носят далеко нежизнеутверждающий характер. Ролан Барт сравнивал наслаждение текстом с эротическим наслаждением. Однако самому Барту в конце-концов пришлось признать, что этот благородный комплимент литературе слишком узкоспецифичен и шаток. Эстетика, ориентированная на наслаждение потребителя, чревата последствиями. И потом, такая установка предполагает обращенность исключительно к чувствам читателя и исключает из послания литературы интеллект. Оскар Уайльд выступил с парадоксальной гипотезой-уловкой: дескать, все искусство абсолютно бесполезно, литература никому не нужна и именно в высшей бесполезности смысл существования художественной литературы. Она, мол, так же бесполезна, как птичье пение. Однако, как известно, у птичьего пения есть своя цель – помечать территорию или привлечь самку во имя продления рода. Так если даже у птичьего пения есть цель, может ли быть совершенно бесполезным такое явление как литературное творчество – вечный спутник человека на всем пути развития цивилизации? Известно, что когда народы не могут самовыразиться с помощью письменности, литературы, они обречены на забвение. Пример тому – этруски, которые оста-

вили нам прекрасные образцы изобразительного искусства, но никакой литературы. И из-за отсутствия литературных текстов эта цивилизация для нас – темное пятно. Мы не знаем, откуда они явились, о чем думали, почему исчезли.

Вопреки гипотезе о бесполезности литературы развивались теории, согласно которым любое литературное произведение несет в себе определенный идеологический заряд, влияющий на реальную действительность, способный ее преобразовать. Как мы убедились, именно чрезмерная идеологизация и политизация пагубно проявились на судьбах литературы. Постепенно приходит осознание, что писателями люди становятся именно тогда, когда начинают отдавать себе отчет в невозможности средствами литературы вдохнуть новый смысл в реальную действительность. Это осознание создает простор для свободного развития художественной литературы. Но это утверждение относится скорее к субъекту, а не к объекту литературы.

Отмирание идеологической функции литературы привело к заострению и выпячиванию ее развлекательной функции. На этой почве пышно расцветает масскульт. Ничего не имею против развлекательной литературы как таковой, легкой по форме, но при этом интеллектуально стимулирующей, ненавязчивой и непатетической, но с мыслью. Увы, современная развлекательная продукция большей частью легка не только по форме, но и по содержанию. Огромный рынок плохой литературы не так безвреден, как кажется. Ведь как известно, „сон разума рождает чудовищ“. Масскульт, очевидно, не изживем, пока в подлунном мире существует либеральная демократия. Единственный путь – массовая доступность большой культуры, пусть и параллельно с массовой (как скажем, в Лондоне Британский музей соседствует с Макдональдом). Но не о масскульте речь. Только низшие мотивации бывают массовыми. Императивы творчества всегда приватизированы, штучны, уникальны.

Литература теперь знает свои пределы, свою историческую нишу. Роль писателя-учителя, пророка или демиурга исторически себя не оправдала. Однако стимулирующая функция литературы несомненна. Литература, как известно, предлагает нам различные модели реальной действительности. Вместе со многими другими определениями искусства есть и такое определение А. Моруа: *„Искусство – это попытка создать рядом с реальным другой, более человеческий мир“*. Так что стимулом может быть умение изобразить лучший мир или, наоборот, нарисовать грядущую катастрофу (например в антиутопиях). Речь идет не о научной фантастике, а о вполне реалистических моделях будущего. В противоположность развлекательной литературе, помогающей человеку забыться, такая литература заражает читателя беспокойством за бу-

душее нашей цивилизации. Именно литература и – шире – гуманистическая культура способна разглядеть перспективы развития, поставить проблемы, от которых зависят судьбы человечества.

И еще одна благородная сверхзадача литературы: духовное собиранье человека, попытка разгадать тайну человека, загадку его судьбы, опираясь на вечные критерии Истины, Добра, Красоты. Поль Валери, а за ним и Борхес считали, что история литературы должна стать не историей авторов, а историей Духа, ибо именно Дух есть подлинный создатель и потребитель литературы. Чтение – процесс интимный и одновременно освобождающий. Наедине с книгой *homo-legens* человек, жаждущий книжной пищи, становится свободной личностью, не зависимой от воздействия масс-медиа и прочих массовых атрибутов.

Литературе будущего предстоит, очевидно, новая ипостась, новая образность и новая суть. Надеюсь, все же, не интернетовская. Хотя и раздаются пророческие голоса, что компьютерная революция приведет к исчезновению писателя и что будет уже не литература, а повальная виртуальная реальность, а вместо читателя будет пользователь специальных программ. Но хочется надеяться, что компьютер не убьет книгу, так же как фотография не убила живопись. Главное свойство художественной прозы – креативность, факт и чудо создания живого. Существо поэзии – высвобождение энергии слова, магии слова, которая есть у каж-дого большого художника. Каким-то чудом сумел Пушкин в „Евгении Онегине“ совместить безукоризненную правду с Божественной простотой и Божественной красотой. Из прозы обыденщины быта сумел создать поэзию непостижимых духовных высот. Вот загадка, чудо, тайна преображения! Тайна сия велика есть. Герменевтика – стратегия интерпретации, искусство толкования, постижения, от имени древнегреческого божества Гермеса, в чьи полномочия входило объяснять простым смертным на понятном для них языке смысл божественных указов. Не знаю, удавалось ли ему? На то он и бог. А мы, простые смертные, мучаемся, разгадывая тайны творчества, постигая душу произведения. Что греха таить, некоторые западные слависты кладут русскую словесность на прозекторский стол. И отлетает душа от тела. И исследуется, препарируется только тело. Но уже бездыханное, умертвленное. Как сохранить, не умертвить, не загубить живую душу текста? Вот вопрос, вот задача. И наш юбиляр со свойственной ему страстью, пассионарностью, ставит перед собой вопросы, на которые не может быть однозначных ответов, но не ставит которые перед собой мы не можем. Хочется думать, что наши совместные мучения не бесцельны и не бессмысленны. Она, литература, стоит этих мучений.

